

А МИМО ЛАСТОЧКИ ЛЕТАЛИ...

СЛОВА

Не купил. Не смыслы вывихнул.
Не украл. И не нашёл.
А, казалось, — просто выдохнул.
И сказали — «Хорошо!»

Но крутили всё же, мерили.
Что такое? Расскажи!
Оказалось — не материя.
Оказалось — часть души.

ЖУРАВЛИНОЕ

Татьяне

Над равниною серою, тусклою
Протянулись и тают вдали,
Словно песня протяжная русская,
Мои птицы, мои журавли.

Я не знаю, не знаю, не знаю,
Для чего я им что-то кричу,
Почему вместе с ними рыдаю,
Почему я за ними хочю

В это небо, холодное, рваное
До того, что и жизни не жаль.
Журавлиное светлое странное
Прозвучало и кануло вдали.

Над погостами, избами, липами,
Растворяясь в туманной дали,
Осенив мою родину кликами,
Пролетели мои журавли.

Но, смирившись со всеми потерями
До того, что и жизни не жаль,
Отчего же смотрю я потерянно
На покинутый птицами край?

Оттого ли, что, всё неизбежное
Принимая, покорный судьбе,
Журавлиное светлое нежное,
Уходя, я оставлю тебе...

ИЗ ДЕТСТВА

К речке спуск — у старой ивы.
Ива, голову склоня,
Смотрит: я неторопливо
Подвожу к воде коня.

У него глаза, как сливы.
Вены бороздят виски.
На губах его — седые
Щекотные волоски.

Коник, фыркая, напьётся,
Капли падают с губы —
На осколки солнце бьётся
Где-то около воды.

Вот последняя сорвётся —
Станет тихо так везде...
Солнце в блюдце соберётся
На кувшинковой воде.

Мы обратно мимо ивы
Не спеша пойдём домой.

Конь помахивает гривой,
И слегка звенит уздой...

ВАНЮША

Не упитан, не начитан, —
Где мозги и где живот?..
А врачи — ну что врачи-то, —
Скажут: «С Богом, пусть живёт!»

Что же, с Богом — значит, с Богом,
Ничего, давай держись!
Повернулась к Ване боком
Вся судьба его и жизнь.

В кедах стареньких идёт,
Телогреечка не лучше.
Кто-то скажет: «Идиот!»
Кто-то скажет: «Эх, Ванюша...»

Живёт. Копает огороды
За миску деревенских щей.
Доволен он любой погодой,
Мальчишки дразнятся: «Кощей!»

Он на мальчишек не в обиде,
Он не в обиде вообще.
Он не такой как все — он видит
И понимает суть вещей.

Он с птицами, и тополями,
И с ветром в поле говорит.
Не говорит он только с нами,
А почему — не говорит...

БЕЗУМНАЯ

Была безумною старуха.
Давно, с войны ещё была...
Тряслась и слышала в пол-уха,
И всё детей с войны ждала.

Сегодня спичек накупила,
Муку и соль. Без лишних слов
Взяла хозяйственного мыла,
Бог сколько ведаёт, кусков!

Я провожал старуху взглядом,
А у прилавка в тишине
Печально прозвучало рядом:
— Опять готовится к войне...

Догнал, помог.
— Спасибо, милый!
Всплакнула около крыльца
И ласточки летали мимо
Её безумного лица.

Я с ней простился.
Догорали
Глаза безумные как есть.
А мимо ласточки летали.
А может ангелы, Бог весть...

СТАНЦИЯ «СТЕКЛЯННЫЙ»

Валентину Кручинину

Тихо.
Станция «Стекланный»
В присаровской стороне.
Лес — багряного багряней!
Небо — синего синей!

Разве — «скорый» пронесётся...
Разве свистнет на бегу
Старику, что у колодца,
Да в оконце старику...

Внуки съедутся обняться...
А уедут — Боже мой!.. —
По глазам — опять багрянцем!
А по сердцу — синевой!

И окрестности немеют.
Разве «скорый» пролетит —
Всё больше и больше,
И пронзительней свистит...

* * *

Так покойны воды в сентябре...
Гладь воды тиха, подобна глянец.
Ветер дунет — чернь на серебре,
И листва прощальная багрянцем
Всё скользит, скользит...
И напоён
Каждый день тишайшей самой грустью.
И летит листва за окоём,
И плывёт листва куда-то к устью.
В эти дни я верю — не умру.
Ничего такого не случится,
Просто чернь пройдёт по серебру
Гуще,
И багряней станут листья.

* * *

Как прожить без боли, я не знаю.
Сердце я не пробовал беречь.
Вот — ступает Родина по краю.
Вот — Родная пропадает Речь.
Журавли опять же...
Или в мае —
Робкие, из первых, соловьи...
Или та, как рана ножевая,
Память о потерянной любви.
Слава Богу! Верного не знаю
Из рецептов — сердце уберечь.
«На живую» нитками латаю,
А оно даёт за течью течь...

ЦЕРКОВКА

Юрию Курдину

То ли небо ниже наклонилось,
То ли поле выгнулось горбом
Для того, чтоб церковка вонзилась
Прямо в небо простеньким крестом.

Сколько храмов, Господи, помилуй!
Так и рвутся, рвутся в небеса.
Господи! Божественною силой
Отвори не видящим глаза!

Неспроста ведь, солнцем облитая,
Словно Дух и Совесть всей Руси,
С бугорочка церковка простая
Во твои уткнулась небеси...

ПУТНИК

Ещё в снегу тропинка не промята.
Играет солнце в инее берёз!
А я ищу ответа на вопрос
Ну почему тропинка не промята? —
Я видел! Там под сводами берёз,
Там путник шёл.
Но следа не оставил.
Куда и кто пути его направил?
Легко одет — я видел, даже бос!
И думал я, «Кто б ни был он таков,
Ему легки, наверное, дороги.
Ему чужды дорожные тревоги —
Ведь даже снег не взял его следов.
И потому тропинка не промята...»

Как много света!
Иней и мороз.
Тишайше всё.
Торжественно и свято.
Ни тропки,
Ни снежинки не примято
Где Он прошёл, и скрылся меж берёз...

КУСТ РЯБИНОВЫЙ

Памяти Марины Цветаевой

Все чувства строже и полней,
Когда над родиной вечерней,
Когда над родиной моей —
Звезды рождается свеченье.

Я объяснять Вам не берусь,
Зачем вот так во мгле тревожной
На повороте вспыхнул куст —
Что отвернуться невозможно...

Зачем звезда полней и строже,
И сердцу сделалось больней?
И одиночество полней,
И отречение невозможно...

Я объяснять Вам не берусь,
Вы сами знаете, Марина!
Что если у дороги куст
Встаёт —
Особенно рябина...

ПАМЯТИ МАРИНЫ

*Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
Марина Цветаева*

И чисто дышат воды, и светло.
И лист багрян. И по утрам туманы.
Рябину? Нет, ещё не обожгло.
Но смотрит вдаль она как будто странно.

Как будто там, где заводи светлы,
Елабужские ночи стали длинны.

И в лунном свете около ветлы —
Тревожен образ милой ей Марины.

В судьбе поэта каждый виноват.
И тихо мироточит образ Спаса,
Всё потому — остался лишь закат,
Один закат до рокового часа.

И нам, рябина, времена придут.
И ордера предъявят нам и числа.
Когда Марины руки упадут,
То обожжёт тебе морозом кисти.

Зайдёшься в крике от таких вестей!
Но громче крика, громче! — станет лепет...
Когда любого молишь: «Брать не смей!»
Они её! — и жар кистей, и трепет!

И каждый год тебе теперь гореть
До сентября предчувствием разлуки.
Кричать! Просить... — и снова не успеть...
Елабуга. Закат. Марины руки.

Обычно в эти дни ещё тепло.
Ни в тишине, ни в красках нет изъяна.
И дышит август чисто и светло!
Но холодны в Елабуге туманы...

*Саров,
Нижегородская область*

